

ИВА ГОДАР

18+

Пять
юношей
квартала
сайя

LIKE
BOOK

Квартал Легенд

Ива Годар

Пять юношей квартала сайя

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Годар И.

Пять юношей квартала сайя / И. Годар — «Эксмо»,
2026 — (Квартал Легенд)

ISBN 978-5-04-251583-5

На Острове Яблонь власть всегда была сосредоточена в руках женщин, поэтому больше всего на свете Рика мечтает стать мастером клинка и попасть в гвардию императрицы. Когда же девушка получает приглашение в квартал сайя, где живут самые прекрасные юноши острова, чья красота и ум считаются благословением богов, — она отвечает категорическим отказом. Ей некогда тратить время на праздные удовольствия. Однако за стенами, окутанными пьянящими ароматами камелий, скрываются настоящие мастера меча: юный сайя-шутник Аки, опасный мятежник Таро, чувственный танцор Хидео, отстраненный умник Кио и расчетливый интриган Кацу. Вместе они бросают Рике вызов, который она не может игнорировать. Пока юная воительница учится управлять не только мечом, но и собственным сердцем, за стенами квартала разгорается борьба за власть, в которую оказываются втянуты все пятеро сайя. Мятеж знати, заговоры императрицы и тени прошлого смыкаются вокруг Рики. Чтобы выжить и спасти тех, кто стал ей дороже жизни, девушке придется сделать выбор, который навсегда изменит ее судьбу — и судьбу всего Острова Яблонь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251583-5

© Годар И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глоссарий	7
Глава 1. Вызов осени	8
Глава 2. Искушение мечом	14
Глава 3. Игра кацу	20
Глава 4. Парадокс правил	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ива Годар

Пять юношей квартала сайя

*Путь любви —
Не утонченная дискуссия.
Дверью здесь служит разрушение.
Руми*

© Ива Годар, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глоссарий

Рика (Рикарда) Тэхиро – дочь мастера-оружейника. Рыжеволосая воительница, мечтает попасть в гвардию императрицы. Из-за «лотереи лепестков» оказывается в квартале сайя.

Энцо – брат Рики, капитан небольшого торгового судна.

Таро по прозвищу «Смертник» – самый известный и непокорный сайя. Носит татуировки, мастерски владеет мечом, обладает властным и мятежным характером.

Кацу, также известный как «Бритва» – бывший старший сайя (сайя-дзу). Холодный, расчетливый интриган со сложной натурой, носит маску ястреба. Инициировал «лотерею лепестков».

Кио по прозвищу «Умник» – сайя-музыкант, мастер игры на гуцине и владения мечом (иайдо). Отстраненный, мудрый, с изуродованным шрамами лицом.

Хидео – сайя, воплощение чувственности и соблазна. Танцор, любитель удовольствий, открытый и щедрый. Прозвище – «Ловушка».

Аки – ученик Таро, молодой сайя с янтарными глазами. Живой, насмешливый, искренний. Мечтает стать полноценным мастером. Его имя означает «осень».

Глава 1. Вызов осени

Рика не подозревала, что когда-нибудь настанет ее очередь идти в квартал сайя. Никто не подозревал.

Окруженный тонкими ароматами, светящийся в ночи квартал возвышался посреди города, будто маяк. Он мог бы принадлежать другому времени – или даже миру. Узорчатые стены, озаренные нежным светом бумажных фонарей, служили местом паломничества для тех, кто мечтал о настоящих страстях. Квартал распускался вечерами, словно запретная камелия. Каждый шаг его обитателей по камням обыкновенных городских улиц рождал хаос и благоговение. Сайя пробуждали восторг, плавили чужие жизни в тигле¹ желаний. По крайней мере, так говорили.

Иногда Рика, как и все остальные, думала о мужчинах квартала, но ее жизнь основывалась на мастерстве во вполне житейских вещах. Она извлекала поэзию из реальности, а не грез: из гравировки на блестящей стали меча, пугливого взгляда готового сбежать оленя, изгиба птичьего крыла.

Оружейная лавка приемного отца приносила неплохой доход. Пусть и Энцо, и Рика выглядели как иностранцы, за заслуги мастера Тэхиро и его мастерство в изготовлении клинков детей признали гражданами Острова Яблонь. Их уважали, но, чтобы купить даже час времени у осыпанных лепестками ворот квартала, денег не хватило бы.

Рика была частью безлюдных холмистых лесов острова и источенных ветром утесов и не слишком интересовалась жизнью знати. Проявляла сосредоточенность и пугающую целеустремленность лишь тогда, когда дело касалось гвардии императрицы – Рика с детства готовилась стать воином. Она подозревала, что до совершеннолетия нужно познать жизнь во всей полноте, как это заведено на острове, но пока истории о любовных приключениях получала лишь от брата Энцо.

Рика сосредоточилась на том, чтобы не отбить пятку в глубоком выпаде, который получался не таким резким и не таким глубоким, как ей бы хотелось. Настоящий воин должен жалить молниеносно. Проклятая игрушка! Гораздо больше Рика ценила островные мечи. Она снова и снова пыталась отточить движение до совершенства. Избавиться от лишних мелких ошибок, не позволяющих поразить голову манекена неуловимым для глаза уколом. Только бросок – и победа. Никаких провисаний, никаких дуг.

Правила материка атаку в голову запрещали, но девушка сердилась, и ей было плевать. Пламя волос выбилось из грубо стянутого синим шнурком узла. Пот высвечивал кожу на ключицах, шевелились под тренировочной курткой лопатки, пока Рикарда, сократившая имя до более привычного на Острове Яблонь, дралась с воображаемым врагом.

– Он разбит подчистую, – рассмеялся Энцо.

Когда брат не уплывал за товарами, они проводили много времени вместе, привлекая к себе внимание рыжими головами, но обычно Энцо уставал быстрее. Для него тренировки были лишь баловством для поддержания формы, для Рики же – будущим. Он не находил в службе императрице ничего притягательного, ему больше нравилось положение капитана пусть и скромного, но верткого судна, доставлявшего материалы с материка в семейную лавку. Он любил называть себя пиратом и выглядеть опаснее, чем был на самом деле.

– Пока негодяй молчит. Пусть просит пощады.

Рика сделала последний выпад, безжалостно вонзив рапиру в безмолвного врага. Желтая птичка на старой искривленной яблоне пискнула, перепуганная скрежетом, и улетела. Но Рике

¹ Тигель – специальный горшок для сплавки металлов, где расплавляют сталь. – *Здесь и далее примеч. авт.*

все равно хотелось большего, энергия кипела в ней. Она и не замечала, что улыбается каждый раз, когда берется за оружие.

– К тебе посетитель, – брат мотнул головой в сторону ворот.

– Ко мне?

Рика повернулась, опуская рапиру.

Торжество от завершенного приема еще не оставило ее. Взгляд светского ценителя нашел бы изысканы, но каждая черта и удар вместе создавали запоминающийся образ. Ни следа скованности – Рика владела собственным телом и любила движение. Красиво намеченные мышцы рук и уверенная походка, скулы, чуть сбрызнутые солнцем. Ей хотелось быть повыше, но высоким ростом она не отличалась. Огненные волосы обычно стягивала шнурком, чтобы не мешали, и те лежали на спине ярким канатом. Яблони окружали Рика, стойку с оружием и целый набор побитых чучел, которые они с братом использовали для соревнований и общих пари.

Удивление Рики было объяснимо – к ней редко кто заходил. Посетителей в лавке хватало, но внутренний двор их дома уже давно не видел гостей.

– Приветствую, донна.

Незнакомец попирал простой, понятный мир с азартом молодого беззлобного хищника – еще игривого и неопытного, но уже знающего, что все вокруг принадлежит ему. Рике он напомнил подростка зверя, который хочет играть, но может и укусить. Его появление испытывало обыденность на прочность – та начинала покорно блекнуть, отступать, словно никчемный фон.

В ушах неожиданного гостя виднелись длинные цепочки с камнями, тепло искрящимися в весенних лучах. Темные волосы лезли ему в глаза и рисовали на шее небрежные завитки, а одежда кричала о роскоши и не подходила ко времени суток. Слои дорогого традиционного одеяния с узором тянущихся к солнцу журавлей обрамляли тело, словно он был драгоценностью, уложенной в бесценную шкатулку. Но главное – его лицо...

Сайя. Любовник из квартала утех, где жили мужчины, способные за состояние подарить детей и страсть. Райская птица, по ошибке залетевшая в ее дом.

Рика вспомнила о долге хозяйки и поприветствовала гостя медленным кивком. Она не понимала, как с ним следует разговаривать, и перебирала в мыслях подходящие слова.

Посетитель держался непринужденно и уверенно, словно советник императрицы. Он тоже чуть опустил голову, оставаясь в границах вежливости, но необычные глаза сияли скрытым смехом.

– Я слышал, вы хороший воин. Но пришло время встретить настоящего противника. – Мягкий голос скрывал угрозу чего-то, что Рика не могла распознать.

– И кого же?

Он поклонился, продолжая внимательно следить за ней, и протянул украшенный золотом конверт.

– Мужчину.

Рика уверенно выдержала чужой взгляд, легко сминающий барьеры, хотя ответ ее взволновал. Люди обычно избегали смотреть в глаза так открыто, считая подобное внимание вторжением, но сайя таким правилам не подчинялись. Она представила, что вместо юноши с дразнящей усмешкой перед ней стоит тренировочный манекен. Трудно сказать, насколько помогло воображение, но посланец оценил ее старания еще одной улыбкой.

Впервые за сегодняшний день она «попала» в нужное место – в гордость сайя. Тот был слишком молод – в лучшем случае ученик, но он буквально источал обаяние мальчишеской лихости. Он еще не свыкся со своим даром и получал почти невинное удовольствие от свидетельств этой удивительной власти.

– Добро пожаловать в наш дом! – поприветствовал гостя Энцо, спрыгнув с ограды. – Ваш визит – большая честь для нас.

– Я засмотрелся на вашу сестру и забыл представиться. – Посланец излучал радость. – Меня зовут Аки, я ученик Таро, одного из лучших сайя квартала. – Он скрестил руки на груди и чуть отступил, опершись на камни садовой стены.

Рика продолжала стоять, в одной руке держа рапиру, а в другой – увитое золотистыми линиями письмо, адресованное лично ей. Она не могла перестать разглядывать свет в светлоскорых глазах сайя, сияющих на солнце словно янтарь. Что ж, он и впрямь походил на осень² – на ранний октябрь, изливающий расплавленное золото на кленовые листья. Чем дольше смотришь в такие глаза, тем быстрее понимаешь, почему именно этого делать нельзя.

Они изучали друг друга – молча, открыто, будто оценивали, на что каждый из них способен. Рика не ощущала ничего, кроме любопытства, которое на краткое время заслонило все вокруг. Она не шевелилась, как делала это в лесах Острова Яблонь, наблюдая за оленем. Контраст между молодостью Аки и опытностью в том, чего не знала Рика, полностью захватил ее.

Сайя появлялись в городе во время карнавалов и фестивалей; каждый из них красовался перед обожающей, околдованной толпой, иногда они даже заходили в лавку отца, чтобы купить самые изысканные товары, но стена из жаждущих поклонниц обступала их и отстраняла сильнее, чем недостижимые лица. Самым популярным сайя был Таро, и Рика никогда не воспринимала его как живого человека. Конечно, она знала, что и Таро, и другие мужчины квартала живут в одном с ней городе. Но там же находились и бедняк с императрицей, а вот видели они друг друга только во время городских праздников, издали.

Сайя и Рика жили в разных городах и по разным законам, но непробиваемая стена вдруг рассыпалась, и Рика не знала, к добру это или к худу. Одно дело – видеть сайя в толпе, а другое – разговаривать с одним из них вот так просто.

– Вы откроете письмо? Мне нужно передать ответ.

– Да, разумеется. – Рика бросила рапиру брату. – Прошу прощения за медлительность. Мне прежде не доводилось видеть сайя так близко. Это удивительное зрелище.

Аки просиял и повернулся к Энцо. Двое мужчин, несмотря на разницу в опыте и положении, сразу нашли общий язык и стали переговариваться, обсуждая последние новости города. Двадцатилетний капитан захудалого корабля и вряд ли достигший семнадцати лет юнец общались на равных. Ветер запутывал пряди волос Аки и разносил по двору, незнакомому с таким изяществом, запах белого мускуса.

Рика чувствовала себя неуверенно, разрывая конверт под задумчивый шелест яблонь. Так бывает, когда в устоявшийся дружеский круг приходит новый человек, которому еще не нашлось места – или его не может быть совсем.

Слова, покрывающие белый лист бумаги каллиграфической вязью, сообщали о том, что семья Рики выиграла в «лотерею лепестков».

«В течение трех визитов вы сможете выбрать мужчину квартала сайя, который станет вашим проводником в мир удовольствий», —

писала чья-то уверенная рука.

Рика покраснела. Она не знала, что ее смутило больше: то, что это было им не по карману, или то, что она никогда не мечтала об «удовольствиях» квартала и вместо этого готовила себя к жизни бойца, где таким вещам не место. Откровенность написанного тоже задевала: автор письма не видел в своем предложении ничего особенного, будто предлагал ей сделку.

На Острове Яблонь властью всегда обладали женщины, а красота и умения мужчины считались признаком удачливости, приносящей хорошую жизнь. Несколько поколений назад загадочный мор унес жизни многих мужчин, и за тех, кто выжил и был привлекателен, разразилась настоящая война. И чтобы избежать беспорядков между влиятельными людьми, импе-

² Аки – осень (яп.).

ратрица создала квартал сайя, где талантливые и красивые мужчины предлагали свои ум и желанных наследников.

С тех пор их стало больше, Остров Яблонь почти оправился и ожидал новое поколение юношей, но квартал никуда не исчез. Он считался школой правительниц, даром и испытанием одновременно. Островитяне считали, что для девушки познать себя в руках умелых любовников – путь взросления, позволяющий ей смотреть на вещи ясно.

Жители Острова Яблонь и без того жили щедро, не зная меры ни в драках, ни в любви, но сайя не были обычными мужчинами. К ним относились как к благословию, знаку удачи, поцелую богов. За деньги, большая часть из которых уходила в императорскую казну, знатная девушка могла посещать квартал сайя до тех пор, пока не забеременеет от одного из самых прославленных мужей острова. Затем она возвращалась к семье и продолжала свою жизнь вместе с наследником как ей угодно. Женщины чувствовали себя избранными, а семьи чествовали появление детей, которым можно было передать семейное дело.

Однако сайя, если пожелают, могли и отказать, а «лотерею лепестков», если верить слухам, придумали, чтобы избавиться от осаждающих их знатных женщин, забывающих о том, что удовольствия по природе своей мимолетны. Дети таким гостям были не нужны: они жаждали лишь длинных ночей с искушенными любовниками, а те находили такую назойливость утомительной. «Лотерея лепестков» напоминала знати, что сайя вольны сами выбирать себе развлечения и одаривать удачей того, кого пожелают.

Итак, раз в год одна счастливица из небогатой, но достойной семьи могла посетить квартал и оказаться в умелых руках сайя. Один шанс на несколько тысяч был у нее перед глазами. Вот только письмо точно попало не по назначению.

Мы с нетерпением ожидаем вас в квартале сайя, когда вам будет угодно.

Назовите время визита посланнику. Кацу.

Кацу. Подпись завершала письмо резким штрихом, будто писавший эти строки водил не пером, а клинком. Эта уверенность, что она не откажет, вернула Рике самообладание. Должна ли она использовать шанс? Удача это или ловушка?

– Примите мои поздравления, дона. – Аки заметил ее взгляд. – Когда вам будет удобно посетить квартал?

– Приношу свои извинения за то, что вам пришлось проделать этот путь, – ответила она, глядя в лицо сайя, которого щедро обласкало солнце. Его кожа походила на шкурку зрелого персика, покрытого легким пушком. К ней так и хотелось прикоснуться, просто чтобы узнать, каково это. – Но я не смогу прийти. Я этого... не хочу.

Рика упрямо мотнула головой. Она ожидала гнева, ярости, негодования, обиды, быть может, но Энцо молчал, не влезая в чужие дела, а посланник-сайя даже не изменил позы.

Она хотела защититься от пылающего в ночи квартала, от владельца угрожающей подписи и самоуверенного юноши-лиса в ее саду. Но если для Рики собственный отказ стал открытием, то для Аки – всего лишь первым этапом долгой игры. Кто знает, сколько разных женщин и неожиданных реакций он видел за время учебы, скольким предлагал вещи, которых они хотели или которые их пугали?

– Я не готова к такой чести, – попыталась Рика смягчить вылетевшие слова. – Другие ждут этого всем сердцем, но не я. Мне нельзя отвлекаться, скоро турнир. Приглашение стоит передать той, что ждала этого и готова.

Аки приблизился и успокаивающе тронул ее руку, в которой Рика зажимала конверт. Его пальцы скользнули по ее пальцам, и он по-дружески сжал запястье. Никто не смел приближаться к ней вот так, но ему она позволила – и почему-то стало легче. Звук мягко шелестящей ткани длинных одежд успокаивал.

Юноша-осень не казался ей реальным, обыкновенным человеком; в ее глазах он был оборотнем, вестником из потустороннего мира, который в любой миг мог превратиться в рысь или лису.

– К тому, что происходит в квартале, – уверил он ее, – по-настоящему не готов никто. – Когда она промолчала, Аки слегка усмехнулся. – Я передам ваши слова Кацу, дона. Но должен предупредить: он будет заинтересован. Для него это вызов.

Рика отняла руку и вежливо поклонилась:

– Я выбрала другой путь. И надеюсь, ваш учитель меня поймет.

Она чувствовала себя глупо и чуждо рядом с юношей из квартала сайя. Они даже рядом стоять не должны. Он был слишком ярким, слишком ласковым, слишком уверенным, слишком красивым. Аки не нападал, но ей хотелось защититься от обещаний квартала – быть может, потому, что они соблазняли.

Насмешка исчезла из глаз Аки. Осталось только обволакивающее, мягкое внимание. Рика видела его впервые, но он обращался с ней так, будто они расстались только вчера.

– Не стоит бояться жизни, полной приключений, подобных которым вы никогда не ведали.

Уловив ее напряжение, Аки попрощался и ушел – так грациозно и тихо, будто его никогда и не было. Но запах белого мускуса все еще витал там, где он только что стоял, словно недоигранный аккорд, заставляющий желать продолжения мелодии.

– Ты что вытворяешь, Рика? – изумился Энцо, а потом засмеялся. – Я и не подозревал, что ты перепугаешься. Разве не об этом мечтает каждая девчонка в городе?

– Нет ни одной вещи, о которой мечтает «каждая девчонка». И я не боюсь, Энцо. Просто не понимаю, зачем они выбрали меня.

Рика стремительно покинула засаженный яблонями двор, где незванный пришелец забрал ее детство. После его ухода все будто бы поблекло, ведь теперь красоту заросшего уголка было с чем сравнивать. Ноги легко несли ее вперед, хотя внутри кипели волнение и страх, которых она не знала прежде.

Такое случается с людьми накануне перемен.

Ворвавшись в лавку, она остановилась в дверях, но никак не могла объяснить раскладывающейся клинки матери, что именно с ней происходит. Отец где-то пропадал, а он всегда знал, как ее успокоить.

Когда мать заметила ее, то покачала головой:

– Выбор сайя – это большая удача, Рика. Но встречи с мужчинами квартала никогда не проходят бесследно. Чего бы ты ни хотела и что бы ни решила, скажу одно: никогда не дразни сайя зря, девочка. Ты даже не представляешь, какие бури им под силу устроить в твоей жизни. Даже самый важный мудрец и самый сильный воин сгорают дотла в пожаре любви.

Глава 2. Искушение мечом

Хороший фехтовальщик может сражаться разными видами оружия, ведь враг не будет ждать, пока ты вооружишься тем, что тебе по нраву. Поэтому нужно уметь использовать все, что попадает под руку. В школе гвардии преподавали разные техники боя, но Рика предпочитала традиционные клинки Острова Яблонь. Материковое оружие, на которое пыталась ввести моду императрица, казалось ей баловством. Турнирные правила фехтования с рапирой напоминали игру ума, специально сузившую область для импровизации. Рика игру ума любила, но не выносила ограничения.

– Витаешь в облаках, рыжая? – Сира уже надела защитную маску. – Все мысли о квартале сайя, который ты вчера оскорбила?

– Я не...

– Да, слухи расходятся быстро. Не думала, что кто-то может отказаться от дара небес. Я накажу тебя за наглость, чужачка. – Сира встала на линию и отсалютовала ей.

– Следи за языком, Сира, – окрикнул ее Сехэй. – Кузнец принял ее в свой род, и такие слова недопустимы.

Зал для тренировок остро, тяжело пах потом. Большое пространство с деревянным полом освещалось яркими лучами солнца, которые казались умиротворяющими, словно в храме, но одновременно били в глаза и мешали видеть противника. Рике нравилось открывать дверь и оказываться в центре шумовой волны, создаваемой криками учителя, скрежетом сталкивающихся клинков, шорохом десятков ног по отдраенному до блеска полу. От запахов сражений и резких звуков она ощущала себя в нужном месте. Здесь не было ничего лишнего.

Учитель – приземистый и сердитый старик Сехэй – был более въедливым, чем обычно, поэтому поставил ее в спарринг с Сирой, которая будто родилась с проклятой иглой в руке. Когда Рика думала, что учитель вот-вот поддастся, тот находил в ее защите изъяны, в стойке – слабые места, а в том, как она двигалась, – недостаточный баланс.

Все в этот день работало не так, как должно. Неуместные догадки о сайя роились в голове и мешали поймать нужный ритм, а красочные журавли с одежд Аки словно распускали в ее мыслях крылья. Однако императрица ожидала, что гвардейцы в случае необходимости смогут утереть нос материковым бойцам, и Рике не оставалось ничего, кроме смирения.

– Когда ты так напрягаешь плечи, я сразу понимаю, что последует атака, – отчитал Сехэй. – Будь хитрее.

– Я жду! – Сира подразнила ее клинком.

Вот уж кого дважды просить не приходилось.

Знать была обязана владеть мечом, и в сражениях они с Сирой сталкивались постоянно. Та предпочитала более агрессивный стиль, ошеломляла противника серией внезапных, сильных атак, лишая его выносливости этим натиском. Большинство людей, стартовав так резко, выдыхались и позорно отдавали себя в руки более опытного и терпеливого врага, но Сира же сохраняла скорость до конца боя. Наследница верфей Острова Яблонь могла считать место в гвардии у себя в кармане.

В то время как Сира провоцировала, Рика предпочитала более взвешенный подход. Обычно она изучала чужой рисунок боя, позволяя сопернику показать себя, чтобы в нужный момент нанести точный смертельный удар. Это мешало, когда боец хорошо владел обманной тактикой, но все же позволяло Рике держаться в пятерке лучших учеников школы.

Рика знала, что Сире нет никакого дела до чести квартала и она лишь стремилась вывести ее из равновесия. Жесткость и целеустремленность Сиры вызывали уважение, но Рика не собиралась уступать.

– Не тебе решать, что мне делать в моей постели. – Она отсалютовала и, как только прозвучал сигнал о начале боя, перешла в атаку, повторяя обычную тактику Сиры.

Неопытные фехтовальщики редко были готовы к тем, кто повторял их излюбленную технику; им нужно время подстроиться. Личное зеркало их дезориентирует.

Первые две победы принадлежали Рике, но дальше пошла чередой проигрышей – ей не хватило холодности и напора, чтобы выдерживать темп. Сира встречала ее удары, медленно пятясь на железных ногах, а затем с несвойственным ей изяществом начала ловко подставлять рапиру под прямолинейные и неровные атаки Рики. Почти незаметным движением она заставила клинок противницы соскользнуть, отбросила его и воспользовалась открытым местом, чтобы молниеносно ударить прямо в грудь.

– С тем же успехом могла бы просто размахивать клинком, как дети рубят палкой крапиву. – Сира сняла защиту и пригладила взлохмаченные короткие волосы.

– Может, тебе переехать на материк, раз так любишь острые палки? – не сдержала досады Рика.

– Хотела предложить тебе то же самое. Я слышала, материковые женщины вообще не носят меч, так что не поранишься.

Их привычная перебранка сегодня не доставила Рике удовольствия.

– Прекрасное парирование, Сира, – учитель махнул следующей паре и, повернувшись к Рике, добавил: – А тебе нужно понять, зачем ты так рвешься в гвардию.

– Учитель?

– В гвардии императрицы заговорщик или убийца с материка может застать тебя в любой момент. Когда думаешь об обеде, когда взволнована смертью матери, когда ругаешься из-за того, что проехавшая лошадь обдала тебя дождем брызг. Обычно это происходит, когда ты не готова. Знаешь, что делать, чтобы такого не случилось?

– Быть готовой? – Рика потрясла запястьем и связала растрепанные волосы в пучок.

Сехэй кивнул:

– Назначаю тебе период тишины.

Она не верила своим ушам. Учитель Сехэй всегда был вздорным, и от его дурного характера пострадало немало учеников, но это было уже чересчур.

– Вы отстраняете меня?

– Все верно, – кивнул старик, который сегодня явно был не в духе. – Мне нужны люди, которые способны полностью очистить свои мысли перед поединком. Если ты попадаешь в школу гвардии, это не значит, что можно расслабиться и просто посещать занятия. Каждый день испытывает тебя.

– Справедливо, – кивнула Сира, хотя это было несправедливо.

Видимо, островитяне все-таки держали злость на рыжеволосых детей мастера клинков. На Острове Яблонь без вражды относились к чуждым порядкам материка, но внутрь их старались не впускать. Внешность Рики лучше любых слов говорила о ее иностранном происхождении. Она отличалась от остальных, а люди подозрительно относились к чужакам.

– Но как же турнир? – Взгляд Рики метался между ухмылкой Сиры и недовольным лицом учителя. – Отбор совсем скоро!

– Я не запрещаю участвовать в турнире, – возмутился Сехэй. – Но сейчас для тебя важнее осознать цель, чем техника. Это мое право. Возможно, тебе стоит уделить больше внимания работе с мечами.

Рику вышвыривали из класса, который много лет подряд служил ей вторым домом, из-за неудачного поединка. Она надеялась, что Сехэй быстро передумает, как не раз делал с другими учениками. Рика же прежде никогда не становилась мишенью его гнева. Это казалось дурным знаком. Словно кто-то могущественный выкидывал ее из мира, которому она хотела принадлежать. Словно ее проклинал невидимый дух.

Она возненавидела и Аки, и Кацу, чье неожиданное шокирующее предложение заставило ее потерять хватку. Как ей подготовиться к турниру самой? Невозможно. Без ежедневных тренировок с непростым противником более амбициозные бойцы острова разделяют ее, даже не вспотев. С мастерами меча ученикам обычно биться не позволяли, но на турнир отбирали лучших из всех школ, так что любительство не пройдет. Рика хотела предстать перед императрицей, услышать похвалу из ее уст. Попросить отца нанять учителя? Но все стоящие знатоки уже заняты – обучают знать.

Погруженная в раздумья и не набравшаяся смелости сообщить даже Энцо, что случилось, Рика остаток дня пропадала в холмах. Весна сбрызнула ветви зеленью, но леса еще не расцвели. Ветер пах речной свежестью и раскрывшимися почками. Она бродила между деревьями, топчя еще не сгнившие до конца осенние листья, сквозь которые пробивались мелкие первоцветы и синие фиалки. Больше всего ей нравилось подкрадываться к забывшимся птицам, балансируя и ловко перераспределяя вес тела так, чтобы ветка под ней не хрустнула. Чувствовать себя частью дышащей, спешащей куда-то природы Рике нравилось.

Она добралась до вершины и устроилась там, глядя вниз. Старательно думала о том, как решить проблему с учителями, но в голову лезли вышитые журавли с одежды Аки, несоответствие его возраста и лукавого изгиба губ.

Больше всего ее поражало не столько приглашение сайя, сколько страх перед ним. Встретив что-то пугающее, Рика старалась столкнуться с этим как можно быстрее. Именно поэтому она решительно направилась обратно в город, когда солнце только готовилось сесть. Есть ли лучшее время приблизиться к кварталу сайя, чем вечер?

Сумерки окутывали ее и прятали пламенные волосы, пока Рика шла по преобразующимся к ночи улицам, мимо закрывающихся лавки торговцев и торопящихся в кабаки ремесленников, мимо площади, где юноши и девушки по кругу передавали мелодичные песни, мимо веселых пьянчуг и преисполненных собой гвардейцев. Высокие стены, за которыми скрывались сайя, виднелись издалека. Когда город погружался во мрак, улицы превращались в темную оправу, поддерживающую рубин квартала.

Рика вышла из переулка на аллею, и перед ней вырос квартал сайя, залитый волшебным светом. Из-за стен неслась музыка – влекущая, страстная, пробуждающая грусть, но ветер уносил и смягчал ее, оставляя лишь намек. Архитекторы вложили в тяжелые камни изящество, тщательно выточив воздушные узоры из драконов и цветов камелии наверху.

Так Рика и стояла, пытаясь встретиться с кварталом как с противником, которого можно победить, – маленькая женская фигурка перед каменной светлой стеной, выделяющейся из мрака. Затем она двинулась по аллее, удивляясь, как легко из привычного элемента, особой части города квартал превратился в угрозу. Рика одиноко растворилась в темноте и брела до тех пор, пока не услышала отдаленный спор, и направилась на звук.

– У тебя не осталось ни капли достоинства. – Голос звучал твердо, непреклонно. – Сайя не собаки, чтобы сидеть на привязи. Не стоит быть привязанной и тебе.

– Мне все равно, Таро! Не хочу никакой свободы... – плакала незнакомка, цепляясь за ноги говорившего. – Умоляю, будь со мной, возьми меня... Мир ничего не значит по сравнению с твоими губами. Зачем мне дворец, где тебя нет? Плиты, по которым ты не ходишь, тело, к которому ты не прикасаешься? Для чего всему этому существовать?

В ее вопле слышалась такая невыносимая мука, что Рика даже положила руку на рукоять меча, желая ее защитить.

Спорящие не услышали ее приближения, и в свете фонарей Рика разглядела желтые одежды распростертой на земле женщины и гербовую вязь на спине. Одна из десяти знатных родов острова, а незнакомец обращается с ней как с животным! Все, что она говорила, звучало так обнаженно и дико. Словно она заболела, растеряв остатки страха, и Рика смотрела на ее

унижение с нечитаемым выражением на лице. Ни один человек в ее жизни так себя не вел. Это... устрасало.

Мужчина попытался освободиться, но плач усилился, а цепкие пальцы отвергнутой женщины схватили его за ногу. Она умоляла, меняла тон то на угрожающий, то выпрашивающий, предлагала себя и все, что имела, взамен на один вечер у коленей Таро.

– Это непростительно. – Холод и ярость сплелись в грозном голосе мужчины. – Остановись, никто на этом свете не стоит таких унижений.

Только сейчас Рика увидела мужчину, перед которым ползали в пыли, – его выхватили из мрака косые лучи фонаря.

Сайя никогда не скрывал непредсказуемый нрав, но сейчас казался могущественным и жестоким чудовищем, созданным из снега и зла. Черное одеяние распахнулось на груди, открывая дугу из переплетающихся от плеча до плеча татуировок, похожих на широкое ожерелье. Нетронутые ключицы светлели над чернильной полосой, а под ней взгляд терялся на бледной плоскости живота.

Таро – необузданный демон, самый известный сайя квартала. Благодаря подведенным угольно-черным карандашом векам его и без того пронзительный взгляд казался невыносимо глубоким и вызывающим. И если в глазах его ученика Аки можно было высматривать свет чужих миров, то темные, как и уголь контура, глаза Таро словно прикалывали к стене. Зажигаясь страстью, его взгляд плавил женщин подобно воску, но в тот момент в это было трудно поверить.

Брови нависали над острыми скулами, словно крылья морской чайки; широкий нос и чувственные губы, вытянутые кисти и длинные пальцы, унизанные полосками серебра, – все в нем казалось броским, опасным. Волосы, черные как крылья ворона, были убраны в хвост, словно у воинов древности, и открывали выбритые полосы над ушами.

Знать заискивала перед ним, но слухи говорили, что он – любящий риск разбойник, глухой и к ругани и к лести. Прежде, видя его издалека красивым повелителем толпы, Рика не верила в это, но сейчас слухи обрели плоть.

– Таро, умоляю...

– Я не люблю, когда меня умоляют. – Он оттолкнул воющую фигурку. – Мы наслаждались вместе, но время закончилось.

Вот, значит, как в действительности выглядят грезы квартала сайя.

Женщину у ног Таро полностью разрушили, и теперь она напоминала лихорадочное животное, а не человека. Неужели это делает с человеком желание? Неужели это Рiku приглашали испытать?

Таро потрясал. Рика, обуреваемая гневом, ощущала власть его взгляда, притяжение охваченных серебром пальцев. В нее, словно в сосуд, переливалась его ярость, электризуя ее. Каждое движение, каждая сцена с его участием становилась стоящим зрелищем, и Рике хотелось продолжать смотреть. Хотелось даже читать его татуировки, слегка надавливая на кожу.

Так пугающе воздействовала на людей красота.

– Я сделаю еще раз... – простонала женщина. – Буду пробовать, пока деньги не закончатся. Буду пробовать, пока ты не согласишься или пока я не умру.

Рика не знала, что она имеет в виду, но Таро рассвирепел, поднял сломленную желтую фигурку с земли и медленно проговорил ей в лицо:

– Тогда тебе лучше умереть. Никто больше не остановит гвардию, никто не выступит в твою защиту.

– Кроме меня. – Горячая пружина негодования вытолкнула Рiku из тьмы, и ее волосы заалели в тусклом свете. Она выхватила меч.

Рика всегда носила с собой оружие, хотя улицы Острова Яблонь по большей части были безопасны. Спокойствие нарушали лишь пьяницы или дуэлянты, выбирающие уголок потише,

чтобы узнать, кто лучше владеет мечом. Она и сама не раз участвовала в дуэлях, но те были ученическими, не всерьез. Не так, как сейчас.

– Прошу, отпусти ее.

– Не вмешивайся не в свое дело, дона, – обернувшись, сказал ей Таро. – С первого взгляда не всегда понятно, кто злодей, а кто жертва.

– Никто не должен так разговаривать со знатными женщинами. Отпусти ее.

Тут он заметил в ее руках клинок. Законы столицы были незыблемы: никто не смел поднимать оружие на сайя, бесценное сокровище императрицы. Никто не мог даже дотронуться до них вне квартала под угрозой лишиться пальцев, но Рика позабыла о законах, увидев эту безобразную сцену. Все, о чем она могла думать, – это как прекратить ее, не дать женщине или сайя пасть еще сильнее. Пульс стучал у нее в висках, а рукоять меча в ладони накалилась.

Таро хладнокровно отодвинул женщину в сторону и выхватил меч из ножен у левого бедра. Рика считала, что сайя носят их просто по традиции, но самый известный любовник квартала явно знал, для чего используют оружие.

– Теперь ты моя.

Он стремительно преодолел расстояние между ними и ударил с доступной лишь мужчине силой, едва не выбив меч из ее рук. Рика чудом уклонилась, понимая, что только непоколебимая защитная стойка и верткость сохранят ей жизнь. Сайя превратился в неистовый шторм. Его не сковывали турнирные правила, которые ввелись в кровь Рики. Он служил оболочкой для грубой внутренней мощи, а в его глазах жило что-то несовременное и сумасшедшее – некая обескураживающая дикость, неожиданная для знати.

Его стиль боя не подразумевал поддельной красоты и ненужного изящества. Таро не стремился впечатлить – лишь победить, а меч его должен был неминуемо найти дыру в защите быстрее, чем мотылек целиком сгорит на огне фонаря. Прошло всего несколько секунд, а Рика уже отступала и уворачивалась, пытаясь избежать неумолимого оружия. Таро без труда теснил ее к стене, но не наносил решающего удара, хотя мог. По сравнению с ним ученики гвардии были жалкими деревенщинами со стальными палками – вот что подумала Рика, перед тем как Таро оставил кровавый росчерк на ее пальцах. Она вскрикнула, но меч не выронила и снова отступила. Скользнула в сторону, понадеявшись на свою скорость, но надежда оказалась напрасной. Ее меч не задел его живот, а лишь рассек воздух. Таро хоть и был гораздо выше, но не оставлял ни части своего тела без внимания. Его руки были длиннее и сильнее, опыт – больше, но странное упрямство не давало Рике остановиться.

«Я хочу, чтобы это продолжалось», – пронеслось у нее в голове. Буйная энергия Таро сметала ее.

Это происходило по-настоящему. Это было опасно, все равно что драться с тигром.

Черноглазый сайя острием своего меча срезал прядь волос, едва не коснувшись острием лица после ее промаха. Рика шагнула назад, ударившись спиной о стену. Его клинок упирался ей в горло. Таро пил ее страх насмешливыми черными глазами. Татуировки на белой коже оживали под качающимся от ветра фонарем. Секунды застыли, перестали сменять друг друга.

– Ты хочешь того же, что и я?

– Драться, – выдохнула в ответ Рика, и ее зрачки затопили радужку. – Я хочу драться, как ты! Никогда прежде не видела ничего подобного... Проклятие, как это было красиво! За это можно отдать все что угодно.

Она покачала головой и зажмурилась, полная восторга.

Таро на миг замер, а потом расхохотался и опустил меч. Улыбка на его губах стала почти счастливой, как у человека, который нашел нетронутое, чистое место.

– По всем законам квартала ты уже мертва, дона. Если захочу, тебя казнят этим же утром, – сказал он. – Так что вряд ты можешь о чем-то просить. Правда, и я не должен был

выходить наружу без охраны, так что мы оба преступники. Мы даже не знакомы, а ты из-за меня нарушаешь закон.

Рика поверить не могла, что ввязалась во все это, но произнесенное голосом Таро слово «преступники» становилось титулом, а бархатистое «закон» отдавалось внутри нее. Одно дело – махнуть далекому идолу на фестивале, и совсем другое – слышать дыхание, шевелящее волосы у щеки, чувствовать исходящую от тела силу, смотреть на губы, заставляющие слова оживать. Эта мощь существовала, и она пугала Рика так, как ни один противник на свете.

– Не знаю, что ты о себе возомнила, размахивая мечом, но та женщина достаточно богата, чтобы сделать меня вечным рабом ее прихотей. Несмотря на предостережения императрицы, она подготовила налет и даже построила клетку. Для меня. – Он тихо выругался. – Она вконец обезумела. Даже у сайя есть предел терпения, а я не из терпеливых.

Таро усмехнулся, вложил меч в ножны и скрестил татуированные руки на груди. Они разговаривали без вежливых формул и необходимого расстояния, а это казалось невозможным и странным.

– Я ужасно ошиблась. Моя жизнь принадлежит вам, – вдруг опомнилась Рика. Она опустилась на колено и закрыла глаза в ожидании приговора.

Стыд за поспешность своих решений обжег ее, но Таро не зря называли лучшим в квартале. Сайя редко прибегали к своей власти карать: они знали, как жестока бывает любовь. Он видел ее насквозь – этот задор, жажду справедливости, деятельное любопытство молодого зверька, еще не научившегося избегать ловушек. И она ему нравилась – рыжеволосая воительница с материковых картин.

– Я узнал вас, дона. Вы сестра Энцо, капитана, который возит сталь для клинков. А также та, что оскорбила Кацу отказом. Такое случается нечасто. Будет обидно, если вас просто так убьют.

Длинные пальцы Таро скользнули по лицу и волосам Рики. Кожи коснулся холод его серебряных колец.

– Я покажу вам свое мастерство. Но для этого вам придется ответить на письмо Кацу и пройти по пути удовольствий.

Глава 3. Игра кацу

Рика не могла заснуть, познавая сладкую пытку предвкушением. Сидя на застеленной кровати, наблюдала, как луна освещает готовые распуститься бутоны на яблонево́й ветке у окна. Все в доме спали, и только она снова и снова воссоздавала в памяти короткий поединок с Таро. Чем сильнее она старалась взять себя в руки, тем ярче разворачивались в воображении картины, где недоступный сайя с легкостью наносил ей раны. Она перевязала руку, но была так взвинчена угрозой смерти и избавлением от нее, что до сих пор не чувствовала боли.

Впервые ей хотелось изучить человека так же, как исследуют холмы, узнать, о чем думает этот черноволосый демон. Звук его голоса, низкие вибрации окончаний, контраст белой кожи и черной ткани, раскованность и дикость Таро помимо воли проникали в ее мечты. Но главное – его меч,двигающийся так быстро, что почти невозможно увидеть. Рика хотела стать им, превратиться в Таро, ощутить, каково быть живым вихрем.

Она постучалась к Энцо:

– Скажи, сайя знают мастерство меча?

Брат хмыкнул, натягивая рубашку:

– Конечно. Ты хоть представляешь, что вытворяют некоторые женщины, тем более женщины с деньгами? Главное правило квартала – все заканчивается. Но не все могут принять это, так что сайя должны уметь себя защитить. Да, они и так не выходят без охраны, но каждый из них, если захочет, может запросто тебя выпотрошить. Поговаривают даже, что в квартале есть школа.

– Школа? – В глазах Рики появился неподдельный интерес.

– Тебе-то это зачем? Ты же в школе гвардии. Кстати, как подготовка к турниру?

Энцо посмотрел на себя в зеркало, не слишком старательно взлохматил рыжие волосы, провел рукой по небритому квадратному подбородку и закурил самокрутку с табаком.

– Что такое... «путь удовольствий»? Ты знаешь? – В ее вопросе ничего странного не было, но Рика все равно немного смутилась. Она не выпалась и стояла на пороге комнаты, одетая в мятые штаны и с наспех собранными волосами на затылке.

– Странно, если бы я не знал, – ухмыльнулся Энцо, – хотя куртизанки-женщины не так заморочены философией, как сайя. Путь удовольствия – это один из способов познать себя. Он позволяет разобраться в желаниях, принять их и научиться ими управлять. По крайней мере, так писал философ Рю. Он все это и придумал. Считал, что нужно обучать людей любви и страсти, чтобы она не настигала их неожиданно, заставив совершать ужасные поступки. Ты вот знала, что в самом первом, изначальном квартале был свой философ?

Рика покачала головой.

– По его мнению, люди стесняются могущества секса и любви, и только их познание делает нас неуязвимыми к глупым соблазнам. Ты до сих пор не сталкивалась с сильными чувствами, но могу тебя заверить: нет пределов тому, что вытворяют люди, потеряв голову. Даже уважаемый старик может напрочь обезуметь, я такое видал... Считается, что сайя не только познают тело женщины, но и проводят ее по пути удовольствий, заставляют принять то, что могло бы сломать ее вне квартала. Пройдя через наслаждение и боль, будущие правительницы понимают людей и себя, не давая симпатиям собой манипулировать. – Энцо подтолкнул Рiku к выходу из комнаты. – Но это, ясное дело, всего лишь красивая брехня. Сайя – хорошие любовники и красавцы, а это приносит удачу и симпатичных детей, только и всего.

Они спустились, и Энцо достал приготовленный матерью завтрак. Сама она возилась в лавке, отец работал в кузнице с мастерами, и брат с сестрой вечно встречали утро вместе, если Энцо не плыл к материку.

– Думаешь, сайя могут научить меня фехтовать? – вырвалось у Рики за чашкой чая.

– Ты и так умеешь фехтовать, – пожал плечами Энцо. – Сомневаюсь, что они этим занимаются. Это их школа со своими правилами, и чужакам не место в квартале породистых жеребцов. Или... ты передумала?

Энцо построил такую издевательскую физиономию, что Рика бросила в него кусочком хлеба.

– Думаю, они тебя познакомят со своими мечами, но не с теми, которые ты воображаешь. – Он засмеялся, уворачиваясь от летящих в него мучных снарядов. – Да и откуда вообще такие мысли?

– Сехэй выгнал меня. – Рика помрачнела.

– Он каждый день кого-нибудь выставляет. Старая коряга! Или ты ненавидишь рапиры настолько, что готова просить мужчин-куртизанок тебя потренировать?

Энцо не выдержал и опять засмеялся. Когда он так это представлял, прошедшая ночь казалась сном, мороком, но пронзительные глаза Таро нельзя было придумать.

– Им нет дела до новой моды. Они носят катаны, как и я!

Наступила пауза. Энцо ухмылялся во все лицо, а Рика тем временем проклинала себя за несдержанность. Она отложила хлеб и торопливо отхлебнула из кружки.

– Откуда у тебя повязка на руке? Что случилось вчера вечером?

– Я напала на Таро.

– Что?

Энцо расхохотался, но, увидев напряженный взгляд Рики, видимо, понял, что она не шутит. Сайя были неприкосновенны, как и сама императрица, и даже представить сложно, чтобы кто-то поднял руку на избранных квартала. Это одно из самых вопиющих преступлений – напасть на воплощение гармонии, символ Острова Яблонь. Но Рика не сидела за решеткой, а значит, ее смазливое личико заставило сайя смириться.

– Я иду в квартал сегодня, я обещала. – Рика, не услышав его, продолжала спорить с собственными мыслями. – И я не знаю, что им сказать, не знаю, как вести себя и что делать. Но я хочу в их школу, все отдам, лишь бы сражаться, как Таро. Это было... как вспышка, как бросок змеи! Как...

– Это безумная идея, – покачал он головой.

– Ты не видел, как он дерется, Энцо! По сравнению с ним любой ученик из школы гвардии – просто улитка. – Она обхватила голову руками. – Я проиграла быстрее, чем успела понять, что происходит.

– Тебе сильно повезло. – Энцо обнял ее и потрепал по огненной шевелюре. – Во-первых, ты не мертва, во-вторых, ты избежала казни, и тебя великодушно простили. Ты отправишься в квартал и вернешься оттуда другой, познаешь то, о чем другие только мечтают. Это как уплыть в длительное путешествие к неизвестным берегам. Ты ведь хотела быть моряком в детстве?

Энцо решил вывести Рiku наружу, чтобы успокоить, и уже раскрыл дверь в сад, но вместо ожидаемого двора они ступили в сияющую белизну. Всюду лежали лепестки яблонь, создавая бело-розовую дорожку, ведущую от порога к воротам в город.

Утром Остров Яблонь расцвел, и кто-то рассыпал цветочные лепестки, соединив квартал сайя и скромный дом продавца клинков. Рика сделала один шаг, второй по этой дороге судьбы, а потом побежала к выходу из сада. Цветочный путь продолжался и там, пересекал улицу и исчезал между домами призраком тропы. Никто из горожан не посмел его тронуть. Нежный аромат цветущих яблонь пропитывал воздух.

– Какое прекрасное утро, донна. Сегодня мы ожидаем вас на приветственном ужине в квартале сайя. Я здесь по просьбе моего учителя, чтобы снова передать вам приглашение. Простите его за настойчивость, но ему трудно смириться с потерей.

Завороженная видом, Рика даже не заметила Аки, стоящего у решетки сада. В этот раз он был во всем белом, словно оделся в лепестки пионов и хризантем. Может, это и помогло

раствориться в молочной пене яблоневых ветвей, но его способность оставаться неуловимым удивляла. Горящие любопытством янтарные глаза Аки словно вбирали в себя солнечный свет. Теперь Рика могла сравнить, и он казался ей гораздо более человеческим, земным, чем Таро. Ну хоть что-то общее между ней и сайя.

– Я приду насладиться вашим гостеприимством. – Она низко поклонилась ученику квартала, ощущая за ним фигуры Таро и Кацу. – Передайте мастерам удовольствий мое глубочайшее уважение.

– Чувствуете себя наживкой или жертвой, дона? – внезапно поинтересовался Аки. Он взлохматил и без того вольно завивающиеся у шеи темные волосы и беспечно улыбнулся. Его жизнерадостность заражала.

– Да, – призналась она. – Ощущаю опасность. Силы, быть игрушкой которых я не желаю.

– Что ж, тогда у меня есть для вас совет. – Аки протянул руку, сжал ладонь Рики и положил ее на свои обнаженные теплые ключицы. – Прикоснитесь ко мне. Чувствуете?

Рика чувствовала все – и даже больше. Она перестала слышать окружающие ее звуки, пока осторожно изучала шелк чужой кожи, ведя кончиками пальцев вдоль ключиц, чьи линии напоминали ей цельность и утонченность поэзии. Аки был сильным и хрупким одновременно, сложным артефактом колеса бытия. Он направлял ее руку и смотрел в черные, бездонные от изумления глаза, не упуская ни одной мелочи. Рика боялась, но в ней жила страсть к покорению жизни – неусмирённое любопытство.

Хотя ученику не полагалось тревожить гостей, Аки не устоял перед желанием оставить на ней свой отпечаток. Он был еще юн, но честолюбив и дерзок, а может быть, просто хотел, чтобы Рика странствовала пальцами по его ключицам.

– Я сделан из той же плоти, что и вы, дона, – весело прошептал он. – Вам стоит знать, что в этой игре сайя так же уязвимы, как и обычные люди. В любви нельзя постоянно побеждать.

Довольный собой, Аки отстранился и пошел прочь, исчезнув там, где дорожка из лепестков заворачивала за мастерскую часовщика.

Рика понимала, что у нее не получится противостоять чарам сайя, но мысль о том, что можно заставить их переживать ту же странную беспомощность перед музыкой движений чужого тела, пробудила в ней азарт. Сайя использовали ее любовь к борьбе, чтобы увлечь. Но парадокс в том, что, даже зная о приемах, ты не остаешься к ним безразличен.

Остаток дня Рика проверяла, свободны ли учителя фехтования, но предчувствие ее не обмануло: из-за подготовки к турниру в городе не было ни одного свободного приличного мастера. Она старалась не отчаиваться, но место в гвардии императрицы, достаемое молодым победителям, стремительно уплывало у нее из рук. Когда солнце начало медленно спускаться к горизонту, она поняла, что таинственная школа внутри квартала сайя – ее единственная надежда серьезно попрактиковаться.

Вернувшись домой, Рика распустила волосы и села перед зеркалом. Впервые попыталась посмотреть на себя глазами чужака. Глазами мужчины.

Загорелое лицо с высокими скулами, которое могло бы быть утонченным, если бы не пронизательные черные глаза наблюдателя. Россыпь веснушек. Беспорядочная копна длинных алых в лучах заката волос, каких не было ни у кого на Острове Яблонь. Они струились, лились на ее плечи каскадом мягких прядей. Рике нравились ее плечи, рельефно очертившиеся за время тренировок. Но это, пожалуй, все.

Квартал сайя был праздником, фестивалем ожидания, тайн, непрекращающегося карнавала, но мысль чрезмерно украшать себя Рика сразу отбросила: любые ее попытки разобьются о привычную для жителей квартала роскошь, ведь даже ученик сайя выглядит, словно сын императрицы. Подчеркивать свою суровость тоже было самоуверенно – та половина посетительниц квартала, которая не бахвалилась обаянием и богатством, обычно выставляла на обо-

зрение военные успехи. Среди знатных дам Острова Яблонь встречалось множество членов гвардии. Но если Рика не придумает что-то особенное, сайя разочаруются.

– Что ж, пора.

Рика решила не скрывать свои различия с сайя, а наоборот, их обострить. Квартал придерживался традиций, и в ответ она облачилась в длинное материковое платье, которое как-то привез ей в подарок Энцо. Благородный кофейный оттенок смягчил резкость ее взгляда, а белые строгие кружева на рукавах гармонировали с рыжими волосами, которые она заколола длинными шпильками. Простой крой создавал четкий силуэт, чем-то похожий на традиционное одеяние Острова. Талию обхватывал грубый пояс, поддерживающий ножны для меча на левом бедре. Рукоять катаны с белыми ромбами из перламутра сама по себе украшала. Рика походила на телохранителя эксцентричного богатого человека.

Выглядела она просто, но необычно. Ее ни с кем не перепутаешь, а Рика знала, что главное в важной встрече – не дать себя позабыть.

Когда солнечный диск коснулся земли, Рика двинулась по дорожке из яблоневого лепестков. Она шла медленно, осознавая каждый шаг, а широкий подол платья струился вокруг ног. Прохожие оглядывались на нее. Что-то было в этой одинокой фигуре, вышагивающей так, будто каждое движение имеет значение. Ее не сопровождали воины, не везла богатая повозка, но никто не посмел бы приблизиться к ней – значимость момента защищала ее лучше брони. Глаза ее превратились в озера из вороновых перьев.

Город дышал наступающим теплом, которое уже растревожила весна. Из-за узорчатых стен доносился смех, мужчины и женщины слушали искусных певцов и пили сладкие вина. У холмов в небеса вонзился разноцветный фейерверк, распустился – и медленно погас. Приближающаяся ночь зажигала квартал, словно фитиль.

Наконец, Рика добралась до ворот, открывшихся с последним лучом солнца, но не могла заставить себя сделать последний шаг, который отделял тьму от алого света квартала мужчин-сайя. Там, за чертой, кипела радость, воспламенялись тела, и хрупким хрусталем разбивались сердца. Там, окруженная переплетенными угрозами и защищенная охранниками с лицами богов, находилась сокрытая школа меча.

– Это всего лишь еще одна дверь. А вы откроете их немало, дона.

Рика почувствовала, что позади нее кто-то остановился, и уже начала поворачиваться, но сильные и горячие ладони обхватили ее голову и остановили. Мужчина вплотную прижался к ее спине, а его пальцы оплели ее лицо, как корни – утес. Запах темного нагретого дерева и расплавившейся амбры окутал ее, отделив от остального мира.

– Не поворачивайтесь.

Она подчинилась.

Незнакомый голос звучал совсем рядом, и Рика ощущала вибрации этой мелодии.

– Вы не увидите моего лица, пока я сам не захочу. Это ваше наказание.

– Кацу. – Это не мог быть никто другой. – Кацу, – почему-то повторила она.

– Зачем вы повторяете мое имя, дона?

Рика не знала. Ей хотелось произносить его без причины и цели. Она запомнила имя с тех пор, как впервые увидела в письме.

Невыносимо хотелось повернуться и узнать, как выглядит человек, из-за которого она оказалась в этом квартале, но Рика понимала, что тогда сайя никогда ее не простит. Пальцы держали ее крепко, но не настолько, чтобы помешать своеволию. И эта свобода словно толкала нарушить приказ.

Сайя испытывал ее терпение.

– Мне просто нравится касаться его губами.

Пальцы, поддерживающие ее голову и шею, сжались, но почти незаметно. Был ли это гнев или удовольствие, сказать невозможно, когда ты способен лишь ощущать чужое дыхание.

– Добро пожаловать в квартал сайя, – сказал Кацу³ и оставил ее одну.

³ Кацу – побеждать, превосходить (*яп.*).

Глава 4. Парадокс правил

Рика влюбилась в квартал раньше, чем успела сделать и десяток шагов. Она представляла, что он будет многозначителен и криклив, порочен и чрезмерен, но, пройдя сквозь ворота, она оказалась на аллее большого внутреннего сада. Пахнувший яблонями ветер вылетел со сложно переплетенных дорожек и охладил ее лицо. Ажурные, увитые плющом беседки прятались за стенами буйных, неровно обрезанных кустов. Развешанные тут и там светильники мягко освещали тропу, создавая покров тайны.

Опасаясь наткнуться на сплетенных в объятиях любовников, пожелавших воспользоваться покоем аллеи, Рика пошла быстрее. Прежде чем укромные уголки сада успели увлечь ее, дорожка вывела на площадь, вымощенную разноцветными камнями. Музыка обрушилась на нее, будто ожидала ее на этом просторе, и окутала тягучей романтической мелодией. Низкий звук струнных ласкал ее шелковым шарфом. Площадь окружали яркие здания и лавки, но сама она была пуста – лишь силуэты музыкантов двигались, нагнетая ритм и приглашая Рику выйти на эту неожиданную сцену.

И она не заставила сайя ждать.

Музыканты, сидящие около фонтана в форме пышного деревца, прервали мелодию. Их руки порхнули и застыли, будто у живых статуй. Рика не могла разглядеть лица – головы были опущены. Лишь один солист продолжал нытливym, тревожным звуком хэгыма⁴ притягивать Рику к себе. Он вел ее подобно оставленным на пути знакам. Темп смычка все ускорялся и ускорялся, пока солист не рванул струны, подняв голову и отбросив светлые волосы назад. Его синие глаза были полны грусти, которая заставляла каждый миг ощущать как последний.

Внезапно площадь расцвела фейерверками, из-за углов лавок и домов показались жонглеры и артисты, вращающие огонь. Двери домов распахнулись, выпуская гостей, и все пространство заполнили приветственные крики, шум и гам.

Светловолосый мужчина пропал. Хэгым давно стих, и вместо него ритм теперь задавали далекие барабаны.

Пара незнакомых мальчишек в желто-белых нарядах подхватила Рику под руки и увлекла вперед, прямо в красочный круговорот, приглашая стать частью квартала. Интересно, одинаковы ли спектакль для всех новоприбывших или сайя каждый раз создают новую игру?

Рика вертела головой, каждый раз замечая что-то новое. Мужчина с черной, как опал, кожей выдыхал пламя. Гости в масках танцевали, позабыв о своем высоком положении. Взломаченный тощий парень крутил обод, от которого щедро разлетались снопы разноцветных искр. Квартал даже пах необычно – порохом и розовой водой. Этот мир настолько отличался от того, что находилось за белыми стенами, что на губах Рики невольно появилась счастливая улыбка.

Казалось, здесь нет никаких границ. Любой предмет мог появиться. Любой человек мог забыться в волне танца и шуме фейерверков.

– Проходите, дона. – Прислужники оставили ее около входа в выкрашенное алым здание из дерева с большими полукруглыми окнами, похожими на арки, и умчались прочь.

Рика обернулась и попыталась узнать кого-то в толпе, но сумерки и полыхающий вокруг огонь искажали лица. Внезапно веселье квартала показалось ей фальшивым и угрожающим, артисты – неуправляемыми и опасными, а женщины, закрывшие лица тонкими масками, – презрительными. Маски символизировали освобождение от пут рутины, но в этот раз они оттолкнули Рику.

⁴ Хэгым – корейская скрипка; двухструнный смычковый инструмент, обладающий своеобразным плачущим звуком.

Не слишком-то это было похоже на место для прирожденных воинов.

Поддавшись порыву, Рика резко развернулась и сделала шаг прочь, но завершить его не удалось.

– Ай!

Она ударилась о неожиданное препятствие, покрытое зеленой тканью. Подняв голову, встретила с уже знакомыми синими глазами, тронутыми тоской. Мужчина, игравший на хэгyme, выглядел неуместно в мире разнузданного ночного карнавала – слишком отстранен и чист. Он хотел что-то сказать, но Рика так сосредоточенно разглядывала кажущиеся бесконечными глаза, что передумал.

Снова заиграла старинная скрипка, но в чужих руках она звучала мечтательной и томной и уносила душу в облака. Боги Острова Яблонь будто подыгрывали незнакомцу. Он был высок и бледен, точно дух, а длинные светлые волосы, мягко ниспадающие до пояса, и традиционное широкое кимоно делали его похожим на бледный рисунок чернилами. Так совершенно должны были выглядеть лишь далекие принцы ушедших в прошлое веков.

«Мужчина-луна», – подумала Рика.

Лицо его было женственным и отрешенным, как у высеченной из белого камня статуи. Если тронуть его черты карандашом или углем, он с легкостью бы затмил любую девушку, но лишь одной половиной лица. Вторую же исполосовало три шрама, словно какой-то дикий зверь пытался содрать с него кожу. Он, без сомнения, обладал телом бойца, и такое необычное сочетание намертво впечатывалось в память.

– Меня зовут Кио, – произнес он мелодичным и негромким голосом.

Рика скользнула взглядом по шрамам, но не стала долго задерживаться на них, чтобы не огорчить. Она даже не предполагала, что кто-то может сознательно испортить лицо, словно вылепленное из белых лепестков, но в шрамах ощущалось нечто темное и притягательное. Кио и сам воплощал гармоничное единство противоречивых вещей.

– Вы позволите себя проводить? – Он чуть наклонился, и Рика заметила на его поясе меч.

Традиционное одеяние сидело на Кио поистине безупречно. Бледно-зеленое кимоно сочеталось с белым отворотом у шеи, создавая светлый, сияющий облик, а широкие рукава спадали множеством живописных складок – тот тип скромности, что оплачивался сотнями золотых монет. Вот только глаза Кио рассказывали другую историю – о сломанных мечтах, пережитой боли. Впрочем, не было ли это обманом?

Рика пыталась не быть слишком доверчивой. Это квартал утех, и каждый мужчина уже не в первый раз играл свою роль.

– Вы позволите отравить ваше сердце? – чуть тише спросил он.

Она вздернула голову, пытаясь понять, не шутит ли он. Кио излучал ауру спокойствия, словно долго практикующий монах, но странные слова, слетевшие с его губ, встревожили Рику. Черная, жестокая поэзия.

– Мне кажется, на моем сердце уже остались шрамы, – учтиво ответила она и тут же поняла, как двусмысленно это прозвучало.

Усмешка украла безмятежность лица Кио, а в его глазах потух интерес. Он сделал шаг назад и протянул ей руку. Рика никогда не встречала человека, который мог находиться столь далеко, стоя совсем рядом. Ей хотелось расспросить про мечи, но момент был неподходящий. Поэтому она просто приняла протянутую руку, слегка сжала ее и вошла в здание с алыми дверями.

Арка проглотила обе фигуры, пропустив их в широкий коридор, украшенный гобеленами, на которых разворачивались всем известные любовные драмы принцессы Ниоко. Шум остался позади, будто его просто выключили, а вокруг Рики сомкнулся плотный полог. Эта неожиданная тишина только подчеркнула интимность момента. Рика ощутила себя одинокой фигуркой, которую перемещают по игровой доске.

Вот так, держа за руку отстраненного мужчину-луну, она и оказалась в зале, где ее встретили еще четверо сайя.

Рика ожидала церемоний и мучительно длинных представлений, как на множестве официальных приемов. Она не раз видела выступления сайя во время городского карнавала. Облаченные в вышитые драгоценными камнями и золотой нитью церемониальные одежды, они вышагивали степенно, не торопясь, наступая на цветы, которыми усыпали их путь. Любование их светом вызывало у толпы такое чувство наслаждения, что простые горожанки, для которых сайя служили невозможными воплощениями удачи, падали перед ними ниц, как перед самой императрицей.

Но сейчас все было иначе.

Сердце Рики заколотилось, когда Кио подвел ее к невысокому столу, стоявшему перед небольшой сценой. На ней негромко играли музыканты и пела юная девушка в маске демоницы. Ее голос звучал недостижимо высоко и сладостно, парил в воздухе подобно хрустальной снежинке. Она пела о том, что забывает дышать, глядя в глаза, похожие на озера, о том, что должна научиться этому заново, ведь нельзя тонуть вечно. Почему-то Рика подумала, что это песня о Кио.

Он перехватил ее взгляд и улыбнулся, в этот раз приветливо и успокаивающе. Потом указал на место посередине длинной стороны стола, приглашая ее сесть. На другой половине расположились сайя, которые наблюдали за ней с разными выражениями оскорбительно красивых лиц. На столе стояли чаши с вином, блюда с фруктами и сладостями, а также лежали игральные карты. Обстановка казалась непринужденной и не требовала поклонов.

Напротив Рики восседал черноволосый преступник Таро, обдавая ее наглым огнем, против которого не находилось защиты. Он всегда выглядел так, будто бросал вызов. В ушах его мерцал черный оникс, а кимоно, будто сшитое из куска тьмы, небрежно разошлось на груди. В татуированных руках он держал чашу красного вина.

По левую руку от Таро находился его ученик Аки – молодой лис с янтарным взглядом и лукавой улыбкой. Смуглое лицо и лохматая шевелюра придавали ему обаяние непосредственности, а хитрые глаза сулили интриги. В этот раз он облачился в золото, но не изменил своей любви к журавлям.

Переведя взгляд вправо, Рика увидела вместо лица белую маску снежного ястреба. Кацу не шутил, когда говорил про наказание, – честь смотреть ему в лицо он отобрал. Ей казалось, что он был полной противоположностью Таро. Строгое белое кимоно закрывало тело плотным футляром, но не скрывало широкий размах плеч и темную тень у кадыка. Его твердая осанка отражала власть.

Сцепив пальцы и слегка наклонив голову, Кацу разглядывал ее так, будто она должна что-то доказать. Рике почудилось, что она даже через стол уловила запах дерева и горячей амбры, что его аромат вездесущ, но это все было обманом чувств. Он закурил тонкую длинную трубку, выдувая клубы дыма.

«Мстительный, обидчивый и ревнивый повелитель сайя, – подумала Рика. – Ястреб, который не спешит спускаться».

Следующим сидел мужчина, которого она прежде не видела. Каждый из присутствующих покорял, но никто не смущал ее так сильно, как буйный, загадочный Таро. До этого момента.

– Мы не имели счастья встретиться раньше, дон. Меня зовут Хидео, и сегодня я полностью... – он сделал жест руками, словно захватывая все пространство вокруг себя, – и целиком ваш.

Хидео не тратил время на игры. Он предлагал себя открыто и свободно, а каждое его движение было напоено томной негой и призывом. Такая откровенность смущала всех – даже Кацу посмотрел на него с недовольством. Если Таро воплощал непокорность, Аки – дразнящую

юность, а Кацу – ревнивую, жестокую власть, то Хидео словно дышал желанием и каждым своим вздохом напоминал о том, для чего создан квартал. Краска прилила к лицу Рики.

Хидео поедал ее глазами дружелюбно, но недвусмысленно. Она чувствовала себя добычей, представшей перед гибкой дикой кошкой, но в то же время ей нравилась подобная прямота. Заключение в Хидео эротическая сила заставляла ее опускать ресницы, но была понятной. Рика любила прямоту.

Хидео выглядел моложе Таро и Кио, но старше Аки, – Рика дала бы ему не больше двадцати трех лет.

Он откинул голову назад, словно давая полюбоваться сильной шеей и тем, как каштановые волосы рассыпаются по бордовому, будто маки, кимоно. Самовлюбленный, кокетливый насмешник, чья любовь к себе распространялась вокруг так же, как сладкий, чувственный аромат его духов. Хидео понимал, какое воздействие оказывает на Рику, но, вместо того чтобы дать ей передышку, медленно надкусил яблоко и облизал испачканные соком губы.

Рика будто попала на суд демонов или богов – кто знает, что ближе к правде. У каждого из них за поясом был меч, а пути назад не осталось.

– Приветствую благородных сайя, – выдавила она. – Я благодарна за шанс узнать вас и оставить что-то взамен.

Кио налил ей в чашу вина и отошел, присоединяясь к остальным.

– От вас ничего не требуется этим вечером. Просто будьте здесь и осветите наш вечер.

Музыканты сменили песню на что-то более жизнерадостное. Рика вздохнула и села, держа перед собой чашу, но не решаясь из нее выпить. В конце концов, она далеко не первая, кто приходит в квартал. Эти мужчины, должно быть, видели самых разных женщин – от наглых, требующих свое по праву рождения, до скромниц, которые прятали глаза за дрожащими ресницами. Рика же была охотницей, пришедшей получить ровно столько же, сколько и отдать.

Кио задумчиво рассматривал гроздь винограда, как будто ему не было дела до происходящего. Как будто он существовал в своем собственном времени. Возможно, тот, кто оставил на нем шрамы, боялся, что никто не перенесет встречи с таким лицом, если оно останется нетронутым.

– У вас будет три вечера, дона, чтобы лучше узнать нас, – произнес Кацу. – Вы вольны проводить время или со всеми нами, или с кем-то одним, чтобы понять, кто станет первым на пути удовольствий.

– А разве есть какие-то сомнения? – Таро сделал глоток из чаши и провел татуированными пальцами по ее краю, привлекая взгляд Рики. Она сомневалась, что этот спектакль был предназначен именно ей. Казалось, Таро нравилось сердить старшего сайя.

– Выбирать не тебе, Таро, – оборвал Кацу.

Услышав холод в его голосе, Рика подумала, что между мужчинами существует соперничество или даже вражда.

– Если этот задира надоест вам, дона, я всегда готов залечить раны... Или нанести новые – на все желание гостыи. – Это был Хидео. Его зеленые кошачьи глаза сверкнули, а руки ласкали веер так нежно, что мысли сами собой устремлялись по опасному пути.

– Не староват ли ты, Хидео? – вмешался молодой, насмешливый голос Аки.

Он ничего не предлагал, но улыбнулся так ясно и заговорщически, что Рика ответила тем же. Внезапно она поняла, что все это для нее – и их перепалка, и простая обстановка, потому что она не привыкла к иному. Мужчины квартала знали о ней гораздо больше, чем Рика о них.

Кио молча рисовал что-то, светлые волосы серебристой стеной падали на край стола.

Кацу продолжал:

– Все происходящее здесь, в квартале сайя, – плод ваших свободных решений, Рика. – Как же странно звучало ее имя в его устах! – Но после трех вечеров вам придется сделать выбор и начать обучение любви в руках одного из нас.

Рика отпила из чаши, которую до сих пор держала перед собой. Как можно выбрать кого-то из мужчин, если каждый из них – произведение искусства?

Словно прочитав ее мысли, Кацу пояснил:

– Вы можете остаться с одним или же узнать что-то от каждого. Путь удовольствий многолик, а искушений не счесть. Нет нужды от них отказываться.

– Правда ли, что в квартале жил философ Рю? – спросила Рика. – Что квартал нужен для того, чтобы создавать правителей, способных достойно встретить любой соблазн?

Кио отвлекся от рисунка и одарил ее внимательным взглядом. Хидео же удовлетворенно хмыкнул, подумав о том, что «лотерея лепестков» в этом году принесла что-то стоящее.

– Раньше так и было, – ответил Кацу, скрытый за маской белого ястреба. – Но здесь, как и в придворном фехтовании, изначальная суть меча постепенно заменилась символом. И все же знание своих желаний – это первая ступень в овладении ими. Квартал раскроет ваши тайные стремления, спящие страсти, и результаты часто непредсказуемы.

– Давно имя философа Рю не звучало в этих стенах, – вмешался Хидео. – Я готов сказать все на свете, если ваш выбор падет на меня.

– Вы что, соревнуетесь? – Рика обвела их всех вопросительным взглядом.

– Конечно, – подтвердил ее мысли Таро. – Каждый сайя хочет заслужить доверие и внимание первее других. Каждый жаждет стать особенным – тем, кого вы никогда не забудете.

Когда он произнес это так легко и дразняще, Рика перестала чувствовать подвох. Разве мечники не соревновались, кто лучше? Так почему же этого не должны делать мастера любви?

– Таро... – процедил Кацу. – В квартале есть правила.

– И какие они? – спросила Рика.

– Первое правило гласит: когда наше время вместе истечет, вам придется нас забыть, – ответил вместо него Кио. – Мы никому не принадлежим. Не будем принадлежать и дочери мастера клинков.

Рика вдруг вспомнила женщину, ползающую в пыли и умоляющую Таро взять ее где угодно, готовую отдать за это все, что имела. Именно это и прочел Таро в мрачном взгляде Рики, устремленном в середину его татуированной груди.

– Зачем создавать правило, которое невозможно исполнить? Лица, как у вас, никто не сможет позабыть. – Это не было похвалой или лестью, Рика просто говорила правду.

Кио расцвел слабой улыбкой, не отрывая глаз от бумаги.

– Кацу сказал бы, что это учит людей принимать неизбежное, а это самое сложное для воина. Но вы спрашиваете меня, дон, – Таро легко ее читал, – а я учу лишь тому, что законы нельзя исполнить. Законы – это обман, дырявая сеть, сквозь которую потоком проливается жизнь. И все же вам придется сделать невозможное. В конце пути каждая женщина должна покинуть квартал и притвориться, что не хочет вернуться. – Голос Таро окутывал ее, словно волны океана.

Но какая же противоречивая, странная мысль.

– Тот, кого вы выберете, должен с этим согласиться, – продолжил рассказывать Кацу. – И если по какой-то причине он этого не сделает, его место займет другой сайя.

– Сколько сайя живет в квартале? – Вино вперемешку с волнением начало кружить Рике голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.